

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-373-388

О ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ РУССКИМИ ГРАММАТИКАМИ ДЛЯ РЕЦЕПЦИИ И ДЛЯ ПРОДУКЦИИ

И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Ленинские горы 1, стр. 13–14

Автор, рассматривая лингвистические основания для обеспечения рецептивных и продуктивных действий на русском языке, утверждает, что как при рецепции, так и при продукции речь прежде всего идет о соотношении языка и объективной действительности. О той действительности, которая прячется как часть «дано» за словами (лексика), словоформами (грамматика) в предложении и/или высказывании при рецепции и которую «требуется воплотить» в языковых формах при продукции. Утверждая принципиальную разницу между грамматическими характеристиками, ориентированными на сочетаемость (род, падеж имен) и ориентированными на действительность (число существительных; наклонение, время глаголов), автор утверждает, что в процессе рецепции все они должны быть непременно осмыслены на предмет соотносительности/несоотносительности с реальной действительностью, а в процессе продукции никогда, кроме вырожденных случаев, они не выступают в качестве цели речевой деятельности, оставаясь или средством для выражения замысла производителя речи, или регулятором собственно языковых правил.

Ключевые слова: *грамматика, русский язык, рецепция, продукция, значение, сочетаемость*

1. ОТ ГРАММАТИКИ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ — К ГРАММАТИКЕ ДЛЯ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Необходимость создания новой грамматики русского языка ясно осознается профессиональным сообществом (Плунгян 2016). Это осознание в некоторой степени обусловлено изменением самого русского языка в конце XX — начале XXI века. В то же время это осознание связано также с колоссальным увеличением возможностей привлечения и обработки самого разнообразного лингвистического материала. При этом обычно остаются в тени фундаментальные вопросы, относящиеся к самой **цели** (Доброхотов 2010) (не ритуальной, но научной и практической) создания такой грамматики, а также к **верификации** (Апель 2001) соответствующих положений, как проверке того, насколько *грамматика* в значении «описание» соответствует *грамматике* в значении «устройство». Более того. Не подвергается глубокому осмыслению то важнейшее обстоятельство, что все существующие русские грамматики (в смысле «описания») представляют собой результат **классификаций** (Wade 2006, Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации 2013). Преимущественно по формальным основаниям, в рамках которых, как кажется, вожденная адекватность между «описанием» и «устройством» в некотором смысле достигнута. В гораздо меньшей

степени «закрыли тему» классификации по основаниям семантическим. Подчеркну еще раз, что в обоих случаях перед нами именно классификации, внутри которых конкретное наполнение самых разнообразных рубрик, подрубрик, пунктов и пунктиков радикально облегчилось в условиях существования корпуса русского языка. В результате в геометрической прогрессии растет число публикаций, классификационных по цели исследования, где важнейшие вопросы: 1) внятности и ценности фундаментальных оснований классификации, 2) подчиненности именно такой, а не иной группировки фактов с конкретными целями исследования, 3) верификации сделанных выводов и обобщений — все эти три важнейших вопроса не подвергаются критическому осмыслению, делая классификацию и самоцельной, и самоценной (Ср. Fillmore 1988, Langacker 2008, Hudson 2010).

Почти тотальное господство классификационных по методу грамматических исследований в области русистики бессознательно восходит к взглядам младограмматиков, видевших свой предмет исключительно в уже представленных текстах. Не стану задерживаться на парадоксальном (и успешном) стремлении извлечь из письменных текстов фонетические, звуковые, диахронические законы. Сосюроевское изучение языка «ради самого языка» также способствовало закреплению классификаций как важнейшего средства выделения связанных и взаимодействующих между собой языковых сущностей (Сосюр 2004).

Однако современное научное знание весьма четко противопоставляет, в частности, такие области, как геология или астрономия, таким, как, например, химия или энергетика. Первые — могут лишь изучать свой объект, вторые — на основе успешного предварительного изучения могут и должны **создавать** объекты, обладающие заранее заданными свойствами.

Замечу, что все науки движутся именно в направлении к возможности создавать. Ценность, например, биологии (и медицины) не столько в способности констатировать факты, явления, процессы, связи, закономерности, но в том, чтобы уметь воздействовать на них в желательном направлении (Лекторский 2005).

Нетрудно видеть, что лингвист принципиально отличается от геологов или астрономов тем, что его объект — язык — существует не только в виде буквенной или звуковой записи, но непременно и в виде создаваемых здесь и сейчас соответствующих произведений, которые состоят из слов, реализуют определенные правила, собственно языковые и коммуникативные и т.п.

Иными словами, лингвист должен предложить те единицы и такие процедуры, которые позволяли бы понять, т.е. соотносить с реальной действительностью, то, что прочитано и услышано. Причем в случае с мертвыми языками можно было бы и ограничиться только прочитанным. В случае же с живыми языками совершенно необходимо еще и предложить такие единицы и процедуры, которые обеспечивали бы не только чтение (с пониманием смысла) и аудирование (понимание того, что произнесено другим), но также письмо и говорение. При этом на первом месте в процессе создания стоит вовсе не орфография и орфоэпия, но прежде всего соответствие замыслу производителя речи. Эта мысль совершенно очевидна для двуязычного словаря, который, например, может быть или русско-английским,

и тогда он, толкуя исходные русские слова (семасиология, рецепция), находит затем средства для воплощения именно этого содержания средствами английского языка (ономасиология, продукция). Или англо-русским, благодаря которому для смыслов, вычленяемых у английских слов, отыскиваются выражающие этот смысл единицы русского языка. Англичанин использует русско-английский словарь для понимания русских текстов, а англо-русский — для создания текстов на русском языке. Русский же использует русско-английский словарь для создания текстов на английском языке, а англо-русский — для понимания написанного (произнесенного) по-английски. *Tertium non datur!*

К сожалению, не всегда осознается, что одноязычный русский толковый словарь — это для понимания читаемого и слышимого. А если я не могу подобрать какое-либо нужное слово, когда пишу и/или говорю, то толковый словарь мне не помощник. Как и не всегда осознается, что словарь синонимов — это для продуктивных речевых действий. Он — помощник в стремлении производителя речи обрести состояние «ужели слово найдено?», о котором так много написано (ср. Апресян и др. 2004). А сугубо сочетаемостные характеристики очень важны только для продуктивных речевых действий, а для чтения и аудирования на родном языке они практически не слишком полезны, кроме, может быть, случаев восприятия речевых произведений, созданных инофоном.

Увы, в русской грамматике (как в «описании») традиционно рецепция и продукция не противопоставляются. Речь также редко идет о фундаментальном противопоставлении того, имеется ли в виду грамматика читающего/слушающего (рецептивная, взаимодействующая с толковым словарем) или грамматика пишущего/говорящего (продуктивная, активная, взаимодействующая с идеографическим словарем или словарем синонимов). Это неразличение не только игнорирует соображения, высказанные еще около века назад Л.В. Щербой о пассивной и активной грамматике¹. Оно выглядит весьма печально на фоне современного деятельностного (а не классификационного!) подхода, связанного с именами Л.С. Выготского (Выготский 1999), А.Н. Леонтьева (Леонтьев 1975), А.Р. Лурия (Лурия 1979) и утверждающегося ныне во всех науках о человеке, от изучения разнообразных речевых расстройств до педагогики и менеджмента.

2. СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В РЕЦЕПЦИИ И ПРОДУКЦИИ

Традиционная русская грамматика, оперирующая грамматическими категориями, такими, например, как род, число, падеж имен, наклонение, время, лицо, вид, залог глагола, по существу имеет дело с феноменами двух принципиально разных типов. Первые — род и падеж существительных — выделяются на основе сочетаемостных свойств слов и словоформ, т.е. на основе характеристик единиц **языка**. Вторые — число существительных, наклонение, время глагола — на основе преломленных языком характеристик реальной **действительности** (Сепир 2002).

¹ Как-то не хочется связывать деятельность читающего/слушающего с пассивностью. Чтение и аудирование это активная работа, хотя и отличная по своей сути от письма и говорения. Более предпочтительной кажется другая номинация: «рецептивная» vs «продуктивная».

Утвердившееся в русской грамматической традиции как фундаментальное убеждение в однопорядковости этих совершенно разных оснований воплощается везде — от академических грамматик до школьного грамматического разбора. А между тем неразличение характеристик собственно языковых единиц и характеристик реальной внеязыковой действительности, которую язык каким-то образом отражает, принципиально порочно. Порочно именно в силу неразличения материи языка и отражаемой им действительности. А будучи положенным в основу рассуждений, это нестроение ведет к абсолютному непониманию того, что «части» языка как средства обозначения действительности (цель, смысл, оправдание его существования!) смешиваются с теми его «частями», которые существуют как собственно языковые проявления. Происходит примерно то же самое, когда, например, в деятельности некоего министерства смешиваются функции, ради которых оно существует (оборона, экономика, иностранные дела и т.п.), с работой хозяйственных служб этого министерства (состояние зданий, столовая, медобслуживание сотрудников и т.п.). Разумеется, успешное исполнение первого как-то связано со вторым, но это все-таки принципиально разные вещи. В теории систем хорошо известны случаи, когда институт, созданный ради каких-либо целей, постепенно превращается в институт, существующий исключительно ради самоподдержания. (Ср. *Хвост виляет собакой*) (Бодияр 2000). К счастью, с языками такого не происходит, они развиваются в совершенно противоположном направлении (Мартине 1960), но при их описании различение аспектов, направленных на действительность, и аспектов, характеризующих собственно язык, — это фундаментальное противопоставление обычно не рассматривается, по крайней мере, в русской традиции, как один из краеугольных камней.

Очевидно, что род существительных в русском языке — это сугубо сочетаемостная характеристика слова: *город большой был — деревня большая была — село большое было*. И при рецепции эту характеристику, позволяющую в некоторых случаях лишь лучше ориентироваться в связях слов в тексте, но не служащую для того, чтобы понимать его, можно просто игнорировать. Широко растиражированные и очень завлекательные примеры использования родовой характеристики слов в качестве намека на пол действующих существ выступают лишь в фольклоре и художественных текстах, а в других коммуникативных областях реально никак не представлены (Виноградов 1947). Кроме того, осмысление грамматического рода существительного как пола существа — это никак не номинативная часть значения соответствующего слова, но в лучшем случае — его ассоциативная часть (Mercier 2002).

Ситуация, однако, меняется, когда реципиент встречается с существительными так наз. общего рода (*соня, староста, забияка* и т.п.), где сочетаемостная по своей сущности характеристика получает важное семантическое наполнение: *хороший староста был* (мужской пол) — *хорошая староста была* (женский пол). То же самое происходит и с личными местоимениями *я* и *ты*. Не углубляясь в достаточно хорошо изученный вопрос о соотношении рода и пола, подчеркну принципиальную сторону дела, а именно превращение сочетаемостной характеристики в семантическую. Задача рецептивной грамматики в том, чтобы определить абсолютно точно и полно условия такого преобразования.

Принципиально такое же явление наблюдается и при противопоставлении в русском языке кратких и полных прилагательных. Будучи по своей сути явлением сочетаемостным (краткие выступают лишь в качестве предиката, но не определения, полные — в обеих позициях), это противопоставление иногда (когда же именно?!) получает семантическое наполнение: *она счастлива* (в данный момент) — *она счастливая* («ей везет», т.е. «вообще»); *брюки узкие* («констатация характеристики») — *брюки узки* («не годятся для данного человека»).

То же самое принципиальное соображение справедливо и в отношении падежа существительных. Эта характеристика, как и род, по своей природе сочетаемостная (Chvany 1996, Schäfer 2008, Corbett 2008). Только сочетаемость эта основывается не на свойстве отдельных слов, но на существовании определенных блоков, которые, во-первых, состоят из **всех** словоформ существительных русского языка, а во-вторых, образуют грамматически, но не обязательно лексически, правильные сочетания только в определенных условиях (Зализняк 1967). Например, *любуюсь домиком, столом, картиной, математикой, окном, свойством* и т.д. и т.п. (творительный падеж!). Это грамматически в значении «объект любования» правильно. И тот же ряд после *с* в значении «совместно» также образует грамматически правильные словосочетания. А вот этот же ряд после предлога *к* образует грамматически совершенно неправильные сочетания. После этого предлога должен выступать ряд *домику, столу, картине, математике, окну, свойству* и т.д. и т.п. (дательный падеж). Этот же ряд выступает в качестве называния того субъекта, который испытывает состояния, называемые словами *скучно, весело, интересно* и тому подобными.

Иными словами, падеж можно принципиально уподобить одному из типов деталей в детской игре Lego. С деталями А соединяются детали типа X, с деталями В — детали типа Z и т.д. и т.п., но А не соединяется с Z, а В — с X. Однако падеж, будучи по своей природе проявлением сочетаемости, иногда (когда же именно?!) получает семантическое наполнение, как это уже отмечено выше для рода.

Таким образом, падежная принадлежность, в частности, после предлогов, требующих после себя лишь одного-единственного падежа, не представляет для реципиента никакой семантической ценности, а следовательно, может/должна быть проигнорирована. Зато в других случаях (каких же именно?!) падежная характеристика (и только она!) позволяет обозначить участников ситуации: *сын принес* (именительный — «субъект»), *сына принес* (винительный — «объект»), *сыну принес* (дательный — «адресат»). Добавлю, что если представить падежную парадигму в абсолютном вакууме, т.е. без всякого воздействия конкретной ситуации или знаний человека о жизни вообще, а также без какого-либо словного окружения, неизбежно придется констатировать следующее: *дом — дома — дому — домам — доме* семантически (в вакууме!) ничем не различаются. Семантические характеристики появляются тогда, и только тогда, когда «вакуумная упаковка» нарушается. При этом, однако, при совпадении форм разных падежей семантическое их осмысление может оставаться неопределенным: *бытие определяет сознание, телевизор победил холодильник, кошелек победил отдых, рубль обскакал*

доллар. Во всех этих примерах каждая из падежных форм может быть понята и как обозначение субъекта, и как обозначение объекта. Зато в случае *Каин убил Авеля* и многих других именно падежные формы (и только они!) позволяют различить субъект и объект (Русская грамматика 1980). Все сказанное означает, что рецептивная грамматика (как «описание») должна четко и полно сообщить читающему/слушающему, когда же именно он может/должен просто игнорировать падежные характеристики существительных, а когда быть к ним чрезвычайно внимательным, чтобы понять с их помощью, каким же образом распределяются роли участников ситуации.

Ситуация принципиально меняется, если посмотреть на род и падеж существительных с позиций производителя речи. Первое и самое главное — говорящий/пишущий, если он, конечно, в здравом уме и не нацелен на какие-либо сугубо формальные упражнения и/или ухищрения, никогда не может иметь своей целью употребление слова определенного рода и/или определенной падежной словоформы. Его главная цель — выразить определенный смысл, однако при этом существует и другая задача (не цель!) — соблюсти определенные чисто языковые правила. Это противопоставление особенно важно при обучении иностранным языкам. На вопрос ученика, написавшего или произнесшего некую фразу, «правильно?» учитель обычно должен ответить: «Не знаю. Вы совершили (или не совершили) ошибку против языка (Так не принято говорить / Вы нарушили такое-то правило), но каков был Ваш семантико-коммуникационный замысел (прямой ответ, грубость, Вы не поняли вопроса и т.д. и т.п.), я не знаю».

Неудачи многих теоретических работ и практических пособий по лексике и грамматике в рамках преподавания РКИ обусловлены прежде всего невниманием к тому, что пишущий/говорящий не имеет своей целью употребить определенное слово и/или грамматическую характеристику, но стремится выразить мысль, воплощая ее разными средствами, возможными или невозможными в соответствии с собственно языковыми правилами. И в этом коренное отличие пишущего/говорящего, для которого точка отсчета это именно встреченное слово, или грамматическая характеристика, а не смысл, который производителю речи требуется тем или иным образом (sic!) воплотить. При этом широко распространенные формулировки «употребление» или «функционирование» лишь затемняют это фундаментальное для обеспечения речевой деятельности различие.

Как кажется, авторы, употребляющие эти слова, не задумываются над тем, что любое «употребление» языковых единиц непременно направлено на некоторую цель и лишь в болезненных состояниях может быть самодостаточным. Точно так же «функционирование» языковых средств само по себе бессмысленно, поскольку это «функционирование» непременно и обязательно каким-то образом связано с внеязыковой действительностью, причем либо в направлении к последней (рецепция), либо от нее (продукция).

В действительности не существует задач типа «употребить такой-то род/падеж». Существуют задачи другого типа, а именно отразить некоторые характеристики действительности. Например, обозначить женский пол живого суще-

ства. Эту характеристику чаще всего следует оформлять суффиксальными средствами как в условиях привативной оппозиции (*учитель — учительница*), так и в условиях эквиполентной оппозиции (*москвич — москвичка*). Реже — лексически (*баран — овца*). Однако для слов общего рода эта задача решается в рамках эквиполентной оппозиции исключительно с помощью именно родового противопоставления согласованных прилагательных: *ужасный соня* (мужской пол) — *ужасная соня* (женский пол).

Точно таким же образом реальная задача — обозначить объект действия — решается с помощью разных падежных словоформ: *читать книгу* (винительный), *мешать соседям* (дательный), *командовать полком* (творительный) и даже *надеяться на успех* (предложно-падежная конструкция). Осознание всех этих реальных, семантических, задач для успешной продуктивной речевой деятельности совершенно необходимо, но отнюдь не достаточно. Надо еще соблюсти и собственно языковые правила, часто лишенные для современного состояния языка каких-либо семантических оснований. Соединить по правилам, регулирующим родовую принадлежность существительных, согласуемые с этими существительными определяющие слова, соединить, следуя не только замыслу, но и соблюдая языковые правила тоже, глагольные формы с падежными словоформами существительных. При этом соответствующие рекомендации для продукции будут выступать тем более надежной верификацией тех сведений, которые представлены для рецепции и *vice versa*, чем больше фактов будет привлечено.

3. НОМИНАТИВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В РЕЦЕПЦИИ И ПРОДУКЦИИ

Дело выглядит несколько иначе в случае с теми языковыми характеристиками, которые коррелируют с объективной действительностью, например, числом существительных (Corbett 2000), временем и наклонением глагола. В отличие, например, от рода и падежа, т.е. характеристик в своей основе сочетаемостных и лишь иногда — более часто, как падеж, или более редко, как род, — обретающих семантическую ценность, число существительных, время, наклонение глаголов по своей природе семантически. Они опираются именно на объективную действительность, а не на собственно языковые правила (или капризы?). Хочу подчеркнуть, что замечательный «Грамматический словарь русского языка» [Зализняк Андр. 1977], позволяя построить от словарной формы слова всю его парадигму, ориентирован именно на преобразования в рамках **языковой** системы координат, а не на отражение той **действительности**, которая стоит (рецепция) или может стоять (продукция) за всеми и каждым таким преобразованием.

Для числа, времени, наклонения нулевая семантическая ценность обычно выглядит странной. Однако, как и при обращении к толковому словарю, проблема реципиента прежде всего, как кажется, упирается в многозначность, в данном случае такого знака, формальная сторона которого представляет собой флексию. Именно поэтому реципиент не может удовлетвориться соотношением с внутренней формой словосочетаний, называющих соответствующие характеристики. Иными

словами, грамматическое «прошедшее время» с его показателями в виде *-л-* (*писал*) или *Ø* (*нес*) в личных глагольных формах может обозначать и «время в прошлом», и иметь также и некоторые другие значения. Ср., с одной стороны, с многозначностью лексических единиц, а с другой — с обычным отсутствием всякой корреляции с действительностью у показателей рода и/или падежа. При этом как в одном, так и в другом случае грамматика для рецепции (как «описание») должна дать ответы на вопросы, в каких конкретных обстоятельствах появляется (создается?) то или иное конкретное значение. Либо как отсутствие всякой связи с реальностью, т.е. «нуль» (род, падеж существительных), либо как замена вполне конкретного, «основного», значения на другие конкретные значения, в том числе и нулевое. Выдвигая в качестве неперемennого требования к грамматике для рецепции не простую констатацию полного, исчерпывающего набора разных возможных значений, акцентирую внимание на необходимости внятного установления тех ситуаций и контекстных окружений, которые приводят именно к определенному значению из числа представленных в возможном наборе (Ariel 2008).

Оперируя с достаточно длинными последовательностями словоформ в тексте, следует иметь в виду, что отдельные представленные в этих последовательностях значения отнюдь не всегда складываются по принципу простой аддитации, когда $1 + 1 = 2$ (Гак 1988). Например, *N пришел, буркнул что-то вроде «здрасьте» и пошел себе наверх* обозначает несколько событий, имевших место в прошлом. Однако, следуя за предложением, дающим общую характеристику N, как, например, *N не любит много разговаривать (нелюдим, обычно неприветлив, сосредоточен на себе и своих делах и т.п.)*, уже упомянутые выше словоформы *пришел, буркнул, пошел* теряют значение прошедшего времени, обозначая действия обычные, вневременные (ср. *придет, буркнет, пойдет*, где также не сохраняется значение «будущее событие», но выступает то же значение, что и с формами прошедшего времени). Безусловно, грамматика для реципиента также должна отразить все такие случаи, неизбежно в силу своей целенаправленности превращаясь тогда уже в грамматику текста.

Справедливости ради отмечу, что в рассмотренном и подобных случаях принципиально сомневаюсь в целесообразности выделения множества значений, скажем, у форм прошедшего времени глагола. Речь, как кажется, следует вести о правилах взаимодействия содержания флексии, полученного из его рассмотрения в условном вакууме, во-первых, со значениями других формально представленных в тексте словоформ, во-вторых, со знаниями о конкретной ситуации общения, а также, в-третьих, со знаниями о жизни вообще (Арутюнова 2003).

Разумеется, два последних обстоятельства, выступая как исключительно важные потенциальные слагаемые, не имеют обычно никакого формального выражения, хотя и предстают в сознании реципиента, как и в сознании продуцента речи. Очевидно, что в предложениях *Здесь продают рыбу, Построено из кирпича, Дом журналиста* единственное число существительных *рыба, кирпич, журналист* вовсе не предполагает один-единственный «предмет», но заведомо несколько однородных предметов (*рыб, кирпичей, журналистов*). В предложениях

Отец согласился и *Отец, кажется, согласился* глаголы выступают в одном и том же, изъявительном наклонении, однако обозначают события, весьма различно соотносящиеся с действительностью. И формы повелительного наклонения, в условном вакууме называющие призыв к соответствующему действию (или состоянию), могут, хотя и значительно реже, обозначать и условие (*И будь я негром преклонных годов...*), и мгновенное прошлое действие (*А Алексей Иваныч и заколи поручика*, где неожиданность обозначается через *и* (союз? что он соединяет?), и состояние (*А я и позабудь, где Дуня-то живет*) (Аванесов, Сидоров 1945). И помощь реципиенту не завершается исчислением таких возможностей, но предполагает определение тех условий, которые позволяют правильно установить такое соотношение (Ср. перечень возможных значений многозначного слова или слов-омонимов, с одной стороны, и, с другой стороны, правила выбора в тексте соответствующего значения из такого перечня).

Замечу, что нередко имеющийся контекст, всегда более или менее ограниченный, допускает разные решения. *Петя влюбился* (*скис, заболел*) обозначают состояние Пети в настоящем. (*Петя влюблен, кислый, больной или болен*), что возникает как результат сложения прошедшего времени словоформы и семы «начинательности» в глагольной лексеме со значением «состояние». Однако в случае *Когда Пете было 12 лет, он впервые влюбился*, благодаря наречию *впервые*, а также предполагая нечто известное о нынешнем возрасте Пети, т.е. с учетом знаний о ситуации, и о жизни вообще, вероятнее всего предполагать, что речь идет не о нынешнем, а о прошлом состоянии Пети. Однако и совершенно исключать «нынешнюю» возможность, пусть и менее вероятную, также нельзя. Ср. также *Петя заболел гриппом* и *Петя заболел туберкулезом*, где прогноз на лучшее будущее сильно различается, хотя бы по времени, отделяющему начало состояния до его прекращения. Однако это никак не еще одно из значений прошедшего времени, но результат (sic!) сложения значения словоформы прошедшего времени с другими формально и не выраженными, но существующими в коммуникации знаниями о жизни.

Думаю, что принципиально не следует смущаться прямых утверждений, что некоторая характеристика действительности нередко остается в слове или форме, вообще никак не выраженной. Например, «пол» в *собака* и *волк*, как и в некоторых других названиях животных (ср. *баран, волчиха*). Или временная отнесенность действия-состояния во многих личных формах настоящего времени глаголов. Внешение значений, идущих из контекстов разного типа (см. выше), в значение самой грамматической характеристики представляется результатом слишком большой увлеченности автора именно своим предметом, увлеченности, обычно идущей во вред осмыслению сущности самого этого предмета (Норман 2015).

4. О ВЕРИФИКАЦИИ ГРАММАТИК ДЛЯ РЕЦЕПЦИИ И ДЛЯ ПРОДУКЦИИ

Изложенные выше соображения о том, что можно и должно складывать только смыслы, т.е. номинативную ценность, а не лексическое (коррелирующее с действительностью) и грамматическое (иногда коррелирующее, а иногда и никак

не коррелирующее с действительностью), может быть верифицировано через обратную по отношению к рецепции процедуру, а именно через продукцию. Подобно тому, как деление проверяется умножением, вычитание — сложением, а успешность разбора, например, часов их сборкой, после которой часы идут, а лишних деталей не остается...

Хочу подчеркнуть, что, никак не претендуя на моделирование реальных психофизиологических процессов порождения речи, имею в виду чисто семантический подход к созданию речевых произведений. В рамках этого подхода непременно следует различать оформление смыслов, означивание ситуаций, воплощение номинативных характеристик, с одной стороны, и, с другой стороны, чисто формальные правила (и запреты) на сочетаемость знаковых языковых единиц между собой, будь то морфы, словоформы, лексемы или предложения. При этом представляется, что базисным выступает определенное номинативное содержание. А именно, обозначение (или сокрытие) пола живых существ, количества или, например, определенности—неопределенности «предметов», реальности, временной отнесенности, модальности действия, обозначение ролей участников ситуации с особым вниманием к собственной роли в ней, и т.д. и т.п. Короче, всего того, что имеет содержательную ценность, выступает как разнообразные стороны и аспекты действительности, требующие, по мнению говорящего/пишущего, означивания. С другой стороны, я не могу представить (за пределами сугубо учебных занятий русским языком, цель и эффективность которых в разных условиях — другой вопрос) производителя речи, устремленного к употреблению слова женского рода, словоформы дательного падежа или повелительного наклонения. Все эти признаки лексем и словоформ могут выступать только в двух ипостасях, и в них обоих в качестве характеристик, не выражающих смысл, но ему подчиненных. Либо, во-первых, как средство для выражения смысла, т.е. не падеж как цель, но обозначение участников ситуации, где падеж — это возможное средство. Не повелительное наклонение как цель, но призыв к другому совершить (или не совершить) действие, перейти в состояние, не множественное число от словарной формы слова, но стремление сообщить либо о том, что «предметов» > 1 (Рахилина, Ли Сун Хен 2009), либо уклониться в определенности обозначения «предмета». И, во-вторых, соблюсти правила сочетаемости слов и словоформ в предложении. Иными словами, дательный падеж не как цель, а как чисто языковое требование употреблять этот падеж после предлога *к*; полная, а не краткая форма прилагательного не как цель, но как необходимость, продиктованная именно языком, для определительной по отношению к существительному роли, либо как одно из средств, способных (в каких же именно «окружениях»?) выражать противопоставление «постоянно» — «в данный момент» и т.д. и т.п. (Всеволодова 2013).

С другой стороны, производитель речи свободен в своем выборе тех возможностей, которые предлагает язык для выражения одного и того же и/или примерно одного и того же содержания: *Иду я вчера...* (настоящее время глагола) и *Шел я вчера...* (прошедшее время глагола), *Маша красивая* и *Маша красива*, *Приказ подписал директор* и *Приказ подписан директором* и т.д. и т.п. И вновь речь идет

не о грамматических единицах как о цели, но о них исключительно как о средстве, выбираемом для некоторого, не всегда ощущаемого ни производителем, ни получателем, содержательного сдвига, либо как свободное использование предоставляемых языком синонимических и/или квазисинонимических возможностей при большей или меньшей стабильности содержательной отнесенности.

Продолжая эти рассуждения, хочу привести еще один пример. В грамматике, обеспечивающей рецептивные речевые действия на русском языке, вполне закономерен вопрос о том, что могут обозначать глаголы, заканчивающиеся на *-ся* (*сь*). Этот вопрос предполагает несколько ответов. Во-первых, замкнутость действия в самом субъекте (*море волнуется, Иван строится, Собака кусается*) с различными дополнительными модификациями типа «себя» (*одевается, моется*), «друг друга» (*целуются, ругаются, знакомятся*), с некоторыми более или менее уникальными дополнительными семами (*печататься* — «свои произведения», *ругаться* — «нецензурно» и т.п.). Во-вторых, обозначение действия, совершаемого некой неясной силой, «безличность» (*не сидится, не лежится, не гуляется*). В-третьих, — «пассив, или страдательность», обозначение того, что субъект не выступает, если выступает вообще, в форме именительного падежа (*Курение запрещается, Проблема решается, Слово предоставляется*). И, наконец, нулевое значение (*бояться, гордиться, стучаться*). Разумеется, следует непременно стремиться к тому, чтобы все эти разные случаи не просто обозначались как некоторые возможности, но сопровождалась внятным определением тех **условий**, лексических и синтаксических, в которых читающий/слушающий сталкивается именно с тем или иным проявлением, а также тех частных случаев, когда «условия» не позволяют давать однозначную семантизацию.

Представляя интересы производителя речи, данный фрагмент, который в традиционной русской грамматике выступает обычно как рассмотрение вопросов возвратности и переходности глаголов, должен быть представлен совсем по-другому. Очевидна смехотворная бессмысленность задач типа «образуйте от данного глагола возвратный, (если в исходном нет *-ся(-сь)*) или невозвратный (если в исходном *-ся(-сь)* есть)». Первый из рассмотренных выше четырех случаев включается в круг модификационных изменений глаголов наряду с такими модификациями, как, например, начинательность, однократность, результативность, повторность и т.п. и представляет собой словообразовательную семантическую модификацию, приводящую к получению от данных — других словарных единиц с заданным семантическим различием (Русская грамматика 1980, Dokulil 1962). При этом совершенно необходимо внятно и исчерпывающе определить те глаголы, где вопреки семантике такое преобразование невозможно (*воровать, пить, любить*), либо, осуществившись, приводит к существенным семантическим сдвигам в значении корня (*красться, рисоваться, клясться*). Во всех случаях возможной модификации по параметру «замкнутость действия в самом его производителе» с помощью *-ся(-сь)* существенно не только отсутствие/наличие каких-либо иных более или менее серьезных дополнительных семантических изменений (см. выше), но сохранение или конкретное изменение синтагматических свойств производящего в производном, т.е. не только стандартное *мыть руки* — *мыться*, но и *оставить одного* — *оставаться одному, готовить доклад* — *готовиться к докладу*.

Очевидно, что случаи 2 и 3, будучи никак не связаны со словообразовательной глагольной модификацией, представляют ценность совсем для другой проблемы пишущего/говорящего, а именно для возможных способов представления производителя действия (Падучева 2012). Субъективных, связанных с желанием автора представить ситуацию так или иначе, и с реальными возможностями, более или менее нейтральными, которыми располагает язык. Ср. *Я не хочу (могу) читать — Мне (не) читается — Книга читается трудно — Книга не читается современными школьниками*. При этом представление действия скорее как такого состояния субъекта, которое неизвестно чем вызвано, («безличность») и стремление либо вовсе не упоминать субъект (пассивная, страдательная, конструкция), либо сместить его во второстепенную позицию, — это вещи близкие, но все же разные. Хотя и требующие, как и семантическая модификация, общего к себе подхода, в частности, четкого определения исходных объектов, участвующих (или не участвующих) именно в определенно заданном семантическом аспекте. Ср. различные способы оформления приблизительно одного и того же содержания: *Я представляю задачу так..., (Мне) задача представляется так..., Задачу (обычно) представляют так*.

Заканчивая рассуждения о верификационной ценности продуктивной грамматики по отношению к грамматике рецептивной, хочу особо подчеркнуть, что именно апелляция к реальной действительности (а не к чисто языковым проявлениям) выступает одновременно и как главная цель рецептивной речевой деятельности, и как задача для языкового воплощения при продуктивной речевой деятельности.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Грамматика русского языка точно так же, как и различного типа одноязычные словари, должна не просто сообщать сведения о языке, но и давать внятные ответы на те вопросы, которые возникают в процессе речевой деятельности (выбор в данном тексте соответствующего значения представленного слова и/или словоформы — при рецепции; выбор адекватных замыслу средств языкового выражения, соблюдение правил соединения этих средств между собой — при продукции).

2. Следует непременно различать среди грамматических характеристик, с одной стороны, те, которые в своей основе ориентированы на реальную действительность (число предметов, модальность и время действия и т.п.), а с другой стороны, те, которые отражают сочетаемостные свойства языковых единиц (род и падеж существительных, краткость — полнота прилагательных, типы склонения и спряжения). При этом последние в условиях, которые требуется строго определить, могут, вопреки своей природе, получать содержательное наполнение. Что же касается «содержательных» грамматических характеристик, то они складываются с теми значениями слов, предложений и высказываний, в которых они выступают. Однако законы такого сложения не сводятся к простому $1 + 1 = 2$.

3. Цель рецептивной грамматики отнюдь не в традиционном школьном и вузовском грамматическом разборе, но в том, чтобы **вместе** с толковым сло-

варем русского языка обеспечить полное и точное выявление того **содержания**, объективного и субъективно авторского, которое стоит за этими словоформами, словосочетаниями, предложениями, высказываниями.

4. Цель говорящего/пишущего практически всегда состоит в именовании объективной действительности, а разнообразные собственно языковые «содержательные» характеристики отнюдь не могут выступать в качестве такой цели, но являются лишь средством для возможного воплощения содержательного замысла. Что же касается «сочетаемых» средств, то они никогда не могут быть целью коммуникации, но в своей содержательной ипостаси могут выступать в качестве одного из средств выражения задуманного. Эти средства никогда не цель, но необходимое средство соблюдения собственно языковых правил и капризов.

5. Грамматика для продуктивных речевых действий, оперируя содержательными характеристиками ради их воплощения средствами языка, в конце концов имеет дело с теми же сущностями, которые открывает, идя от слов, словоформ, словосочетаний, предложений и высказываний, грамматика для рецептивных речевых действий. При этом собственно языковые, сочетаемые характеристики, обычно не существенные для рецепции, в процессе продукции обеспечивают соблюдение собственно языковых норм, способствуя облегчению коммуникации для адресата и усложняя ее для адресанта.

© И. Г. Милославский, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. (раздел «Морфология»). М., 1945. [Avanesov, R.I., Sidorov, V.N. (1945). *Ocherk grammatiki russkogo literaturnogo yazyka. (razdel «Morfologiya»)* (Essay on the Grammar of the Russian Literary Language. (section “Morphology”)). Moscow. (In Russ).]
- Апель К.О. Трансформация философии. М., 2001. [Apel', K.O. (2001). *Transformatsiya filosofii* (Transformation of Philosophy). Moscow. (In Russ).]
- Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., ЯСК, 2004. [Apresyan, Yu.D. i dr. (2004). *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* (New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language). Moscow. (In Russ).]
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 2003. [Arutyunova, N.D. (2003). *Predlozhenie i ego smysl* (Sentence and its Meaning). Moscow. (In Russ).]
- Бодриар Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. [Bodriyar, Zh. (2000). *Simvolicheskii obmen i smert'* (Symbolic Exchange and Death). Moscow. (In Russ).]
- Виноградов В.В. Русский язык. М. Л., 1947. [Vinogradov, V.V. (1947). *Russkii yazyk* (The Russian language). Moscow. (In Russ).]
- Всеволодова М.В. О грамматике кратких и полных форм прилагательных и причастий в русском языке // *Вопросы языкознания*. № 6. 2013. [Vsevolodova, M.V. (2013). *O grammatike kratkikh i polnykh form prilagatel'nykh i prichastii v russkom yazyke. (On the Grammar of Short and Complete forms of Adjectives and Participles in the Russian Language)*. *Voprosy yazykoznaniiya*. № 6. (In Russ).]
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999. [Vygotskii, L.S. (1999). *Myshlenie i rech'* (Thinking and Speaking). Moscow. (In Russ).]

- Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. [Gak, V.G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya* (Language Transformations). Moscow. (In Russ).]
- Доброхотов А.Л. Цель // Новая философская энциклопедия. Институт философии РАН. М., 2010. [Dobrokhотов, A.L. (2010). *Tsel'* (Purpose). *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. Institut filosofii RAN. Moscow. (In Russ).]
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977. [Zaliznyak, A.A. (1977). *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* (Russian Grammar Dictionary). Moscow. (In Russ).]
- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967. [Zaliznyak, A.A. (1967). *Russkoe imennoe slovoizmenenie* (Russian Nominal Word Modification). Moscow. (In Russ).]
- Лекторский В.А. (ред.). Наука глазами гуманитария. М., Наука, 2005. [Lektorskii, V.A. (2005). *Nauka glazami gumanitariya* (Science through Humanities). Moscow. (In Russ).]
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. [Leont'ev, A.N. (1975). *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* (Activity, Consciousness, Personality). Moscow. (In Russ).]
- Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979. [Luriya, A.R. (1979). *Yazyk i soznanie* (Language and Consciousness). Moscow. (In Russ).]
- Мартин А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. [Martine, A. (1960). *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh* (Economy Principles in Phonetics). Moscow. (In Russ).]
- Норман Б.Ю. Жизнь словоформы. М., 2015. [Norman, B.Yu. (2015). *Zhizn' slovoformy* (Word-form Life). Moscow. (In Russ).]
- Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. № 1. 2012. [Paducheva, E.V. (2012). *Neopredelennno-lichnoe predlozhenie i ego podrazumevaemyi sub"ekt* (Indefinite-Personal Sentence and its Implicit Subject). *Voprosy yazykoznaniiya*. № 1. (In Russ).]
- Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации. М., ЯСК, 2013. [Problemy funktsional'noi grammatiki. Printsip estestvennoi klassifikatsii (2013) (Functional Grammar Issues. Principle of natural classification). Moscow. (In Russ).]
- Рахилина Е.В., Су Хён Ли. Семантика лексической множественности в русском языке // Вопросы языкознания. № 4. 2009. [Rakhilina, E.V., Su Khen Li (2009). *Semantika leksicheskoi mnozhestvennosti v russkom yazyke* (Semantics of Lexical Multiplicity in Russian). *Voprosy yazykoznaniiya*. № 4. (In Russ).]
- Русская грамматика. М., 1980. С. 475—482. [(1980). *Russkaya grammatika* (1980) (Russian Grammar). Moscow, 475—482. (In Russ).]
- Русская корпусная грамматика (<http://rusgram.ru>); Плуныян В.А. и др. «Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. СПб. Нестор-история. 2016; <http://www.helsinki.fi/venaja/rg2017>. [Plungyan, V.A. i dr. (2016). *Russkaya korpusnaya grammatika* (Russian Corpus Grammar). (<http://rusgram.ru>); «Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Glagol. Chast' I. St. Petersburg, <http://www.helsinki.fi/venaja/rg2017>. (In Russ).]
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 2002. [Sepir, E. (2002). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* (Selected Works on Linguistics and Cultural Studies). Moscow. (In Russ).]
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 2004. [Sossyur, F. (2004). *Kurs obshchei lingvistiki* (General Linguistics Course). Moscow. (In Russ).]
- Ariel, M. (2008). *Pragmatics and grammar*. Cambridge textbooks in Linguistics, 2008.
- Chvany, C. (1996). *Hierarchies in the Russian Case System: for N-A-G-L-D-I against N-G-D-A-I-L; selected Essays*. Columbus, Ohio: Slavica Publishing.
- Corbett, G. (2000). *Number*, Cambridge.

- Corbett, G. (2008). Case and grammatical relations; Studies in honor of B. Comrie. Amsterdam.
- Dokulil, M. (1962). Tvořeni slov v češtině. Teorie odvozavani slov. Praha.
- Fillmore and others (1988). Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. *Language*, 64 (3).
- Hudson, R. (2012). Introduction to Word Grammar. Cambridge.
- Langacker, R. (2008). Cognitive grammar. *A basic introduction*. No. 7.
- Mercier, A. (2002). L'homme et la factrice: Sur la logique du genre en français. *Dialogue*, 41 (3).
- Schäfer, F. (2008). The Syntax of (Anti-) Causatives: External arguments in change-of-state contexts. Amsterdam.
- Wade, T. (2006). A Comprehensive Russian Grammar. Oxford.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 ноября 2017

Дата принятия к печати: 18 января 2018

Для цитирования:

Милославский И.Г. О принципиальных различиях между русскими грамматиками для рецепции и для продукции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 373—388. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-373-388.

Сведения об авторе:

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВИЧ МИЛОСЛАВСКИЙ — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик Международной академии. *Сфера научных интересов:* изучение вопросов активной грамматики русского языка, создание специальных разделов идеографической грамматики русского языка, выявление комбинаторных возможностей единиц различного уровня, выражающих определенное номинативное содержание. *Контактная информация:* e-mail: igormil@hotmail.com

БЛАГОДАРНОСТИ И ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья подготовлена при содействии РФФИ (грант № 17-04-00053 «Перспектив грамматики русского языка для продуктивных речевых действий»).

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-373-388

**RUSSIAN GRAMMAR FOR RECEPTION AND PRODUCTION:
MAIN DIFFERENCES**

IGOR G. MILOSLAVSKY

Lomonosov Moscow State University
31 Bldg. a Lomonosov Str., 119192, Russian Federation

Abstract

Considering a linguistic basis of receptive and productive language skills in Russian the author states that both reception and production are primarily influenced by the correlation of language and objective reality. At reception this objective reality is hidden as a part of innate structure behind words

(vocabulary) and word forms (grammar) in a sentence and/or an utterance, and at production it needs to be ‘embodied’ in linguistic forms. Affirming the fundamental difference between compatibility-oriented (gender, case of nouns, adjectives) and reality-oriented (number of nouns, mood and tense of verbs) grammatical characteristics the author claims that in the process of reception all of them must be analysed for their correlation/non-correlation to objective reality, and in the process of production they never act as speech objectives, remaining either a means of expressing the speaker’s thoughts or a regulator of language rules.

Key words: *grammar, Russian, reception, production, meaning, collocation*

Article history:

Received: 30 November 2017

Revised: 20 December 2017

Accepted: 18 January 2018

For citation:

Miloslavsky, Igor G. (2018). **Russian Grammar for Reception and Production: Main Differences.** *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 373—388. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-373-388.

Bionote:

IGOR G. MILOSLAVSKY is Doctor of Philology, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Distinguished professor of Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Comparative Analysis of Languages. *Research interests:* studies of active grammar of the Russian language, creation of special divisions of ideographic grammar of the Russian language, revelation of combinatory possibilities of the units of different level, conveying definite nominative contents. *Contact information:* e-mail: igormil@hotmail.com

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was supported by the RFBR (Research grant 17-04-00053 “Перспектив грамматики русского языка для продуктивных речевых действий”).